

Едва баба Маня втиснула свои необъятные 90 килограммов в узкое рабочее помещение, только-только успела разложить свежую прессу и вскипятить воду для чая, как на горизонте показался ее неизменный покупатель – постоянный источник дополнительного дохода – сухонький, невысокий старичок, в холодном осеннем пальто, торопливо снующий меж равнодушных прохожих и весело скрипящий морозным снежком под старыми, потертыми, но еще добротными ботами.

– Ну что, есть? – спросил он с извечной потаенной надеждой, подходя и протягивая замусоленную деньгу.

– А как же, Семен Петрович. Только что получила, специально для вас отложила, – соврала баба Маня, ловко принимая бумажку и вкладывая в темную, слегка дрожащую ладонь свежую газету.

Чай заварился. Пока любители разнообразного чтива не начинали совершать паломничество к ее киоску, не топтались у витрины безмозглыми чурбанами, баба Маня всегда успевала высербать пол-литровую кружку душистого напитка, сдабривая его вкус свеженьким эклерчиком из ближайшего супермаркета, каждый раз в эту минуту давая себе зарок с завтрашнего дня сесть на овощную диету.

Но сейчас заведенный распорядок нарушала худющая физиономия деда, торчащая в окошке: отвлекала от мыслей, ломала душевное равновесие и портила начало солнечного дня.

– Подорожала с этой недели газетка-то, Семен Петрович. Нету сдачи...

Семен Петрович кивнул как ни в чем не бывало, съежился то ли от холода, то ли от дурных новостей и понуро поплелся домой, мысленно пересчитывая бюджет и прикидывая, в чем теперь себе отказать.

«Идол ряженный, совсем из ума выжил, – подумала баба Маня, разместив во рту добрую половину пирожного и быстро превращая его в сладкую кашичу вставными челюстями. – Приходит, когда ему в голову зайдет, и думает, что это пятница. Столько денег на макулатуру извел, лучше бы шапку себе новую купил». Она зажмурилась от прилива вкусовых ощущений, застонала от удовольствия, отхлебнула быстро остывающий чай и принялась за работу – ворошить тюки под ногами с еще не разобранными журналами.

Придя домой в замшелую квартиру на пятом этаже, со старомодной мебелью и увесистыми томами Большой Советской Энциклопедии в большом темном дубовом шкафу, Семен Петрович разделся, сел в потрепанное кресло и погрузился в тяжкие думы. Новость была столь неприятна, что он даже не взглянул в купленную газету. Похоже, от нее придется отказаться. Не совсем, конечно, но теперь на регулярные покупки денег не хватит. Ему уже пришлось уведомление с предупреждением, что, если до конца недели он не погасит задолженность за электричество – останется без света, а значит, и без источников информации: телевидения,

радио. Семена Петровича это не пугало, можно и свечками обойтись, их он припас в достатке. Читать в такой обстановке даже уютнее, но теперь грозятся и газ обрезать: долги растут, платить нечем. Кабы не дорогие лекарства, хватило бы субсидии. А так... Скоро даже чай не заварить. Эх, жизнь!

Семен Петрович безнадежно посмотрел на свое главное сокровище с ровными рядами корешков и стал прикидывать, что бы загнать на блошином рынке из излишков. А что здесь излишки? Пушкин? Булгаков? Хемингуэй? Шолохов? Шукшин? Всю жизнь он собирал библиотеку, доставал дефицит у спекулянтов, переплачивая за заветные томики втридорога, дежурил у книжных магазинов, выстаивая очереди на подписки, выменивал макулатуру на заветные талончики¹ и относился к книгам как к добрым, верным друзьям – незаменимым помощникам в поисках ответов на извечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». Книги возвращали ему душевное равновесие, погружали в иные миры и пространства, скрашивали однообразие и серость жизни, придавали сил, оптимизма. Они были самым доступным источником утешения и вдохновения, столь необходимым в бесконечном море повседневной суеты и одиночества, той твердой почвой, стоя на которой было возможно противостоять жизненным бурям, хлестким ветрам и мутным холодным водам бытия, накрывающим с головой и влекущим, словно стремнина в пучину духовной смерти.

Но в последние десять лет книг он не покупал, вполне обходясь личной библиотекой, а новости черпал из местной прессы. После смерти жены Семен Петрович вообще практически ничего не приобретал, сведя к минимуму свои физические потребности. Ему и в самом деле мало что было нужно: немного хлеба, горячий чай, какой-нибудь супчик, лекарства да книги.

¹ Программа обмена макулатуры на абонементы, дающая право на приобретение книг «повышенного спроса». Стартовавшая в 1974 году, впоследствии она дала хорошие результаты по сбору вторсырья и частичному преодолению хронического дефицита издания высокохудожественной литературы. За 20 кг сданной макулатуры (старые газеты, журналы, оберточная бумага, пакеты из-под сыпучих продуктов, коробки из-под мелкой галантереи и кондитерских изделий и т.д.) человек получал талон, по которому в специальном книжном магазине мог купить книгу, не встречающуюся в свободной продаже.

В день получения пенсии Семен Петрович устраивал себе праздник: позволял вылазку в местную социальную столовую, которая располагалась в соседней пятиэтажке, почему-то в подвале. Небольшая комната, щедро заставленная узкими столами, устланными пестрыми скатертями из клеенки, работала до вечера. Обычно он приходил во второй половине дня, удобно размещался у стеночки, увитой искусственным плющом, и терпеливо ожидал заказ. Молодая чистая официанточка приносила ему едва теплый, слегка подкрашенный томатной пастой, густой маслянистый борщ, сухое картофельное пюре с хлебной котлетой, заправленные столовой ложкой долго не тающего маргарина и скудно политые ржавой жижей, именуемой в преysкуранте подливой, два пережаренных мясных блинчика с кислой начинкой из субпродуктов и лука. Все это изобилие венчала пара кусков крупно нарезанного крошащегося хлеба на блюде. Обычно уже после борща у Семена Петровича начинались изжога и першение, а в момент поглощения котлеты одолевал кашель, от которого спасал круглогодичный компот из сухофруктов в большой щербатой чашке. Вообще, такую стряпню мог усвоить лишь здоровый желудок, и питаться Семен Петрович сим ежедневно – проблемы с пищеварением ему были бы гарантированы. К счастью, пенсия была до неприличия мала, поэтому проблем с кишечником не возникало, и он мог захаживать в подвал ежемесячно. Семен Петрович принимался за еду не спеша, смакуя каждую крошку, украдкой рассматривая редких посетителей. Иногда он приносил с собой газету и, ожидая заказ, делал вид, что поглощен чтением, воображая себя в дорогом ресторане. На самом деле без очков он мог прочесть только крупные заголовки, но надевать их на людях стеснялся. Лишь дома, наедине со своими друзьями, он чувствовал себя свободно и был самим собой. Удобно располагался в любимом кресле и читал – долго, вдумчиво, время от времени делая пометки в тетрадке.

Что же, пришло время друзей распродавать?

Семен Петрович еще раз взглянул на толстые красивые фолианты, встал, скрипнув коленными суставами, как несмазанными шарнирами, подошел к шкафу и стал ощупывать

корешки, зная наизусть, какой автор, где расположился. Вынул томик Пришвина и, перелистывая на ходу, принялся искать очки, которые имели свойство постоянно теряться и порой обнаруживавшие себя в самых неожиданных местах. Не было в квартире закутка, где бы они ни скрывались: за шкафом, под диваном, в кухонном столе среди вилок и ножей, в карманах пальто и брюк, на балконе, даже в старом рваном башмаке в коридоре. Семена Петровича раздражала прогрессирующая забывчивость, он боролся с ней наведением бесконечного порядка, стараясь найти для каждой вещи свой уголок, но всякий раз во время генеральной уборки очки начинали безобразничать: выпрыгивали, выползали, вываливались из ящичков и коробок и устраивали в квартире форменный ералаш.

Не так давно Семен Петрович заметил за собой еще одну странность, которая и пугала, и забавляла. Он стал забывать имена и лица людей, с которыми разговаривал только что, не запоминал названия улиц, путался в днях недели, но отлично помнил сюжеты давно прочитанных книг, мог безошибочно назвать имя писателя, сказавшего тот или иной афоризм, в каком пансионате они отдыхали с женой в Архызе¹, в 75-м, отмечая годовщину свадьбы, насколько должны быть острыми хычины², или как лучше подавать либже³, и еще много разных подробностей, явлений и событий, которые словно якорь, прочно держали память на цепи прошлого. Когда воспоминания долго не отпускали, он доставал из шкафа старый толстенный виниловый альбом с фотографиями, надевал очки и сидел в любимом кресле до глубокой ночи, рассматривая мгновения ушедшей счастливой жизни.

Но сегодня очки куда-то запропастились, а без них Семен Петрович был беспомощен, как слепец без палочки.

¹ Село в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесии, один из главных туристических центров Кавказа. Благодаря свежему горному воздуху, отличается мягким, благоприятным климатом, сухой, снежной зимой и жарким, не душным летом. Превосходит большинство отечественных и зарубежных курортов по количеству солнечных дней в году (300!). Включает в себя более 75-ти горных озер, уникальный пихтовый лес и альпийские луга.

² Национальное черкесское блюдо – пирожки с различной начинкой (фарш с луком или картофель с сыром).

³ Вкуснейшее блюдо кавказской кухни – курица в луковом-мучном сливочном соусе. Обычно подают охлажденной, с застывшей кукурузной кашей, нарезанной ромбиками.

Очки были старые, старомодные, поношенные, в выцветшей роговой оправе, с большими, некогда чистыми линзами. Со временем линзы помутнели, покрылись паутинками царапин, а левое стекло и вовсе треснуло почти пополам. Левая дужка отсутствовала – ее заменяла обычная резинка, схваченная у основания и скрепленная двойными узелками с болтающейся на гнупе шурупе еще целой правой дужкой. В целом очки производили удручающее впечатление своей затрапезной непрезентабельностью и помрачительной ветхостью и годились разве что для домашнего пользования. Не было в них уже былой строгости и изначальной солидности. Давно бы пора их выбросить да обзавестись новыми, но Семену Петровичу они были дороги как память о супруге, сделавшей этот подарок много лет назад, и как воспоминания о прежних годах. Да и денег на обнову не было. Скучную пенсию полностью съедали счета за ЖКХ и «кардикет», а оставшихся крох едва хватало на хлеб, картошку и региональную газетенку с блоком международных новостей на первых трех страницах, которую он каждую пятницу аккуратно покупал в ближайшем киоске у бабы Мани. Побочных прибылей Семен Петрович никогда не имел и даже взятки не брал в пору учительства, считая их смертным грехом и пережитком товарно-денежных отношений.

Он привык к старым вещам, сроднился с ними. Они формировали привычки, создавали домашний уют, пробуждали ностальгию. И сам он среди них был такой же старый, потрепанный, выцветший и никому не нужный.

Очки среди этого пестрого хлама были необходимым условием для ощущения внутреннего комфорта и безопасности, причастности к современной жизни. Но главное – они были волшебные. Стоило их приладить на переносице, как мир преображался, жизнь начинала пульсировать, спрессовываясь в дни, месяцы, годы, окрашивая их в мрачные полутона суровой, неприветливой действительности. Благодаря очкам Семен Петрович, читая между строк, легко распознавал ложь и фальшь. Включая старенький «Электрон-736Д», по мимике и жестам мгновенно видел завуалированный обман нечистоплотных политиканов, неискренность продажных журналистов, напускное благочестие публичных звезд и шоуменов.

Сегодня поиски затягивались: очки словно в воду канули. Он уже закончил обыск спальни и только принялся за кухню, как в дверь постучали. Семен Петрович недовольно хмыкнул (он не любил, когда его отрывали от дел) и пошел открывать. Постоял секунду в нерешительности и спросил негромко:

– Кто?

И тут же прильнул к мутному глазку, пытается разглядеть неожиданного гостя.

– Здравствуйте, это из фонда помощи ветеранам вас беспокоят, – послышался звонкий женский фальцет с площадки.

«Фонд помощи» звучало обнадеживающе-убедительно. Семен Петрович открыл. Перед ним стояла зимняя фея, ясноокая, дышавшая морозной свежестью, невысокая молодая красавица в теплой белой курточке, кожаных сапожках на шпильках, с солидной папкой в руках и объемным пакетом, который она аккуратно подоткнула изящной ножкой. Фея откинула капюшон, обнажив умную головку, обрамленную золотистыми кудрями, и, театрально надув щечки, шумно выдохнула:

– Ф-у-у... Ну и забрались вы... Пока дотащишься – конечности отсохнут. Здравствуйте, – вновь повторила фея и улыбнулась. Вы Т... Семен Петрович?

– Я.

– А я Лена. Хорошо, что вы дома... Войти-то можно?

– Конечно-конечно, – засуетился Семен Петрович, шире распахивая дверь и пропуская ее внутрь. – Чаю хотите?

– Спасибо. Мне еще по адресам нужно успеть. Сегодня крайний срок... – шпильки процокали на кухню.

Приветливой улыбкой, простотой в общении, доступностью она сразу расположила к себе. С первых слов знакомства не было ни барьера, ни дистанции. В такие моменты всегда незаметно-быстро рождается доверительная обстановка, а доверие к людям было жизненным принципом Семена Петровича, и оно, к сожалению, перерастая в доверчивость, часто доставляло много проблем. Однако с годами он стал лучше понимать людей, видеть, «чем они дышат», и сейчас чувствовал, фея действительно хочет помочь.

На кухне красавица шумно уронила волочащийся тяжелый пакет, присела на стул и, сняв

перчатки, ловко выудила из папки небольшую стопку бумаг.

«Килограммов десять, не меньше, – отметил про себя Семен Петрович. – Что ж ты не подсобил, недотепа? За радикулит свой испугался? Не выйдет из тебя джентльмен. А еще учитель».

Бегло просмотрев бумаги, фея тут же приступила к допросу:

– Вы один живете?

– Один.

– Ветеран труда?

– Ну да...

– Пенсия у вас ниже пятнадцати тысяч?

– Чуть-чуть выше.

Красавица оторвалась от бумаг.

– Насколько выше?

– На триста рублей.

– Вот и отлично, – обрадовалась она. – Вы, наверное, в курсе, что до конца года действует государственная целевая программа помощи ветеранам войны и труда, включающая единовременную материальную помощь в размере пятидесяти тысяч?..

Семен Петрович напряг память, пытаясь совладать с накатившим волнением и успокоить трепыхающееся сердце. Нет, ничего такого он не слышал и не читал. Но новость была замечательной.

А фея, не теряя драгоценных минут, усилила напор:

– Сейчас напишете заявление, я внесу вас в список получателей и открою счет на ваше имя... Так... Ой, это вам, – она суетливо попыталась подвинуть сапожком пакет. – Гуманитарка к Новому году. Совсем забегалась, извините... Паспорт у вас далеко?

В отличие от очков паспорт всегда лежал у Семена Петровича в одном месте – в ящике стола. Там же аккуратно были сложены многочисленные платежки за газ, свет, квартиру, документы на нее, рецепты – народные и медицинские – пенсионное удостоверение и еще много разных нужных бумаг, оригиналов и ксерокопий.

Пока он шел в зал за «паспортиной», в голове экспрессом проносились планы и мечты. Наконец можно будет немного обновить библиотеку, расплатиться с долгами, купить лекарства впрок и обзавестись новыми очками! И в столовой он не был давно. Пора нагряться. Да, очки... Где же они? Ах, как некстати!

– Вы меня извините, – виновато оправдывался Семен Петрович, вернувшись на кухню с паспортом, – я очки где-то потерял, ничего заполнить не смогу... Может, удобнее завтра? Я до завтра их обязательно сыщу, вы не волнуйтесь.

Фея замотала головкой:

– Нет, Семен Петрович, завтра будет поздно. Конец месяца, конец года. У меня отчет. Я и так вас с трудом выловила, – она опять улыбнулась и достала новый чистый лист. – Напишем заявление сегодня, я помогу. Много времени это не займет.

Она взяла его паспорт, придвинулась ближе к столу и принялась быстро заполнять форму. Потом еще какие-то документы. Часы на стене и в самом деле не успели отсчитать четверти часа, как все документы приобрели солидный вид законченности и порядка.

«Какой замечательный человек, – думал Семен Петрович, с благодарностью глядя на ее летавшие по бланку руки и невольно залюбовавшись ими. – Ни позерства, ни заносчивости. Как ее зовут? Лена? Да, точно, Лена. А все-таки не вся наша молодежь черствая и безразличная, не безнадежно молодое поколение».

– Ну вот, – Лена стала складывать бумаги в папку. – Заявление я написала, больше документов, где требуется ваша подпись, вроде нет. Ничего не забыли... Завтра короткий день – банк до четырех будет работать. В первой половине дня на ваше имя будет открыт счет и положены пятьдесят тысяч. Карточку еще сделать не успеют, а вот дней через пять вы должны лично прийти и забрать ее. Вот вам копия, вот визитка Фонда. Если возникнут вопросы, звоните в любое время, даже в выходные, не стесняйтесь.

«Какой же сегодня день? – подумал Семен Петрович. – Пятница»? Однако спросить постеснялся.

– Да у меня и телефона-то нет, – спохватился он, ставя закорючки под заявлением на копии и оригинале и провожая гостью к двери.

– Ничего. Звоните от родных или друзей.

Семен Петрович пожевал губами и хотел было сказать, что родных и друзей у него тоже нет, но смолчал. Он не любил жаловаться и ставить себя в положение нуждающегося или просящего.

У двери фея обернулась.

– С наступающим, Семен Петрович. Здоровья вам в новом году, душевного равновесия и много ярких, положительных эмоций. Вы наша гордость, мы всегда рады помочь... – она улыбнулась на прощанье и растворилась в пролетах этажей. А Семен Петрович, рискуя подхватить новый приступ радикулита, стоял на площадке под сквозняком и слушал, как удаляются цокающие каблучки. Он не понял, «вы» – отнеслось к нему лично или ветеранам вообще, но это было неважно. Уже много лет его никто не поздравлял ни с Новым годом, ни с днем рождения, и это маленькое внимание вдруг стало дороже всего на свете. Он не забыт, не оторван от жизни, о нем заботятся.

Семен Петрович закрыл дверь, поспешил на кухню. Присел на корточки, дрожащими руками развязал узел. Та-ак... Что тут у нас?.. Две банки куриной тушенки, три банки килек, паштет, пачка сливочного масла и бутылка растительного. Сахар, мука, крупы, чай. Отлично! Наконец он сможет встретить Новый год по-человечески.

Он достиг дна...

И обнаружил под пакетом свою пропажу. Дужка была сломана, линзы разбиты. Его любимые волшебные очки превратились в кучку мусора и ремонту не подлежали. Совсем. Как они оказались здесь? И красавица тоже их не заметила, раздавила тяжеленным пакетом. Семена Петровича охватил гнев, сопровождающий горечь и обиду, а зачастую являющийся их катализатором. Он был зол на самого себя, на свою рассеянность, на незваную гостью. На какое-то время он даже забыл о гостинцах и Фонде помощи, и его флюиды благодарности и любви ко всему человечеству, растекавшиеся несколько минут назад по Земле, внезапно иссякли.

Часы пропиликали двенадцать – пора лекарства принимать. Семен Петрович медленно встал с пола, предупреждая выстрелы в пояснице обхватом ладоней, сгреб осколки в мусорное ведро, принял таблетки, поставил чайник, сделал бутерброд из подаренного паштета и, немного успокоившись, сел в любимое потрепанное кресло. «Не беда, – утешал он себя, пытаясь заглушить нарастающий дискомфорт, – куплю новые». Но вдруг его стали одолевать сомнения – а все ли он сделал правильно, доверившись девчужке из какого-то неведомого фонда? Ведь он даже не спросил ее удостоверение.

Кто она? Откуда? Вот, поди, верь людям. А ну как она мошенница?

Гнев сменила тоска, отдающая тупой ноющей болью в спине. Семен Петрович вынул из кармана визитку, осмотрел ее со всех сторон. Выглядит солидно. Нахмурил кустистые брови и на расстоянии вытянутой руки попытался прочесть номер телефона. Нет, бесполезно. Эх, был бы у него телефон... Позвонить бы кому, посоветоваться. А кому звонить? Он взглянул на шкаф. Кроме книг, друзей больше не было. Ему вдруг вспомнились слова: *«Мы склонны верить тем, кого не знаем, потому что они нас никогда не обманывали»*. Кто же это сказал? Сэмюэл Джонсон¹? А ведь точно подмечено. Он поверил незнакомке именно поэтому. Хотя... Может, и потому, что эта девочка так поразительно похожа на его дочь, какой он запомнил ее в последний раз: жизнерадостной, самоуверенной, полной неистраченного оптимизма, упрямства и детской наивности.

Двадцать лет назад, сразу после смерти матери, Леночка уехала покорять столицу. Поначалу Семен Петрович противился, не отпускал, они даже поссорились. Ах, эта извечная проблема отцов и детей! Сколько судеб покорежила! Леночка все равно уехала, и с тех пор от нее ни слуху ни духу. Пока не вышел на пенсию, Семен Петрович пропадал на работе, и тоска, вытесняемая мелочами и маленькими житейскими радостями, отступала. Теперь она словно не унимающаяся ежедневная боль в груди, напоминала о себе страхами одиночества и бесполезности прожитой жизни. Давно брошенный и забытый единственным родным человеком, Семен Петрович тем не менее никогда себя не жалел, бодрился, не расклеивался, зная, что от нытья и причитаний бывает только хуже.

Воспоминания о дочери согрели иссушенную душу. Как она там, в Москве-то? Устроила свою жизнь, добилась успеха? Конечно, у нее все хорошо, иначе и быть не может. Он достал виниловый альбом и долго рассматривал старые фото, напрягая глаза. Без очков детали размывались и едва угадывались, как белоснежные паруса в тумане. Семен Петрович щурился,

обещая себе, что, как только получит деньги, первой его покупкой будут очки.

Сегодня он лег рано. Долго не мог уснуть. Вновь и вновь вспоминал дочку, потом прокручивал в памяти длинный список планируемых покупок, стараясь ничего не забыть. Было далеко за полночь, когда сон наконец смежил веки. Уже в полузабытии в памяти вдруг всплыли слова Герберта Прокноу², которые в другой раз, несомненно, побудили бы к размышлениям, но сейчас лишь позабавили: *«Если бы мы не доверяли друг другу, нам пришлось бы жить по средствам»*.

Едва отсчитав пять дней, Семен Петрович приготовился к счастливым мгновениям: встал ни свет ни заря, побрился, почистил старые боты, надел почти новую, черную болоньевую куртку, которую берег на особо торжественные случаи, аккуратно сложил во внутренний карман документы, дождался рассвета и поехал в банк.

Давно у него не было такого отличного, приподнятого настроения. Жизнь снова обрела смысл. Ярко светило солнце, прогревая фасады зданий, отчего макушки домов покрылись испариной. «Пот» с них катился градом, и эта зимняя капель, сливаясь с переливами чирикающих сорванцов-воробьев, приносила в простуженный город толику искрящегося предвкушения скорого тепла. Прохожие были открыты и неравнодушны, в их предупредительных душевных улыбках ощущалась искренность, присущая счастливым, позитивным людям, ожидающим наступление праздника или выигравшим в лотерее главный приз.

Как обычно, под Новый год грянула оттепель, обнажая грязный асфальт и кучи мусора на обочинах. Семен Петрович, всегда остро реагирующий на эти безобразия, сегодня не обращал на них внимания. Он тоже «выиграл приз» – вытащил счастливый билет из тугого кармана замешкавшейся судьбы и смотрел на солнечный мир ясными глазами.

Работники банка встретили его приветливо как старого знакомого и доброго завсегдатая. Длинноволосая нимфа, сошедшая с обложки «глянца», в строгом костюме от дресс-кода

¹ Сэмюэл Джонсон (1709–1784 гг.), выдающийся английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения.

² Герберт Прокноу (1897–1998 гг.), американский финансист и писатель, автор емких, остроумных афоризмов.

провела «уважаемого клиента» к пустующему столику, где менеджер, быстро сверив документы, выдал карточку, но, оказалось, совсем не ту, что Семен Петрович ожидал. Пять дней назад на его имя был оформлен «льготный кредит» в 200000 рублей под залог квартиры, который он якобы уже благополучно получил, с условием обязательного ежемесячного погашения процентов. Кредит с 14-ю % годовых он обязался погасить в течение следующего года. О каком-то «Фонде помощи» здесь и слыхом не слыхивали. Юридически все было оформлено безупречно, об этом неопровержимо говорили подписанные документы и улыбчивый менеджер, убедительно доказывающий, что ему несказанно повезло – деньги на таких выгодных условиях банк выдает не каждому. Семен Петрович был ошеломлен, обескуражен, оглушен, раздавлен столь наглым обманом. Как же это? Доверие к людям, вера в справедливость, идеалы добра, милосердия – все разрушилось в одночасье, растаяло, словно снег под безжалостным южным солнцем. Даже самая мелкая афера сродни надругательству, а тут его обвели вокруг красивого наманикюренного пальчика как мальчишку, как наивного дурачка, как простофилю и недотепу. И зачем ему друзья в книжном шкафу, если он не может воспользоваться их опытом и советами? Семену Петровичу вдруг стало не хватать воздуха, он вышел на плохо слушающихся ногах из хромированной, искрящейся на солнце коробки, похожей сейчас на глухую, задрапированную в блестящий металл долговую тюрьму, принял на ходу таблетки и побрел в сторону автобусной остановки. Он не помнил, как доехал до родного микрорайона, не слышал, как баба Маня что-то прокричала вслед из киоска, очевидно зазывая на свежую газетку. Мысли смешались, в ушах звенело, в груди началось неприятное жжение.

«Во, чудо-юдо вырядилось, – думала баба Маня, торопливо дожевывая бутерброд и с интересом наблюдая укусную физиономию старика. – Так и за приличного сойдет. Откуда это он ковыляет?». Сегодня был удачный день, она успела «наварить» около трехсот рублей, но лишняя копейка никогда не вредила, тем более когда на улице маячил источник ее нескромного бюджета.

Баба Маня давно усвоила, что прибыль и доход – не одно и то же¹, и никогда не упускала случая увеличить последний любыми способами.

– Семен Петрович! – окликнула она его, пытаясь высунуться из окошка. – Идите сюда, у меня для вас что-то есть.

Семен Петрович не слышал. Он брел домой, на ощупь, не замечая никого вокруг. Внезапно налетевший холодный порыв едва не сбил с ног. На глазах выступили слезы. От ветра?.. Или обиды?.. Мир потускнел, сплошная свинцовая пелена поглотила солнце, накрыла улицы. Пошел дождь: короткий, холодный, резкий. Так всегда бывает в дни неустойчивой погоды – внезапная оттепель резко сменяется похолоданием. Перепад давления отнимал силы, наливал тело тяжестью, путал и без того вялую, шаркающую походку. Пристать бы на лавочку, отдохнуть, да лавочки нет. Надо домой. Семен Петрович вздохнул поглубже, стиснул зубы и решительно, как мог направился к своему дому.

Баба Маня проводила его взглядом до самого поворота и больше никогда не видела. Целый месяц она оставляла для него газеты, но Семен Петрович так и не пришел. Забыл, наверное. Или уехал куда. К друзьям-знакомым, к родне (хотя откуда у него друзья и родня – живет один, как прокаженный). А может, помер. Возраст-то у него был солидный, да и сердце пошаливало.

¹ Прибыль – доходы, минус расходы. Доход – «чистые» деньги.